

ГЛАВА I

Убаюканный в долине
Песней бурных водопадов,
Среди гор лежит веселый,
Элегантный Котэре.

Все дома нарядно-белы,
Все с балконами большими,
А с балконов смотрят дамы
И смеются звонким смехом.

И, смеясь, глядят на площадь,
Запруженную народом,
Где медведица с медведем
Лихо пляшут под волынку.

Те танцоры - знаменитый
Атта Тролль с его супругой,
Черной Муммой; и ликуют,
Восхищаясь ими, баски.

Величав, степенно-важен,
Пляшет славный Атта Тролль.
У косматой половины
Нет достоинства и меры.

Да, мне чудится, что Мумма
Канканирует порою!
Так бесстыдно крутит задом,--
Право, вспомнишь Grand '-Chaumiere.

И достойный медвежатник,
На цепи водящий Мумму,
Сам, как видно, понимает
Аморальность этой пляски.

И подчас он так усердно
Угощает Мумму плетью,
Что от воя черной дамы
Стон стоит меж гор окружающих.

Этот храбрый медвежатник
Носит шесть мадонн на шляпе,
Чтобы голову вернее
Уберечь от пуль и вшей.

На плечо покров алтарный
Он накинул живописно,
Будто плащ. Под ним он прячет
Острый нож и пистолет.

Был он в юности монахом,
А потом он стал бандитом,
Оба дела позже слил он
У дон Карлоса на службе.

А когда бежал дон Карлос
Со своей застольной кликой
И пришлось за честный труд
Взяться прежним паладинам

(Пан Шнапганский стал поэтом),--
Тут наш славный рыцарь веры
В медвежатники пошел.
Взял он Мумму, Атта Тролля

И по всей стране их водит
Напоказ базарной черни,--
В Котэре на рынке пляшет
Злополучный Атта Тролля.

Атта Тролля - когда-то гордый
Царь лесов и гор свободных! --
Он теперь в долине пляшет
Пред людской вульгарной чернью.

И притом - какой позор! --
Пляшет ради гнусных денег --
Он, любивший грозным рыком
Наводить на смертных ужас!

Вспомнит он былые годы,
Вспомнит мощь и власть былую --
И глухие стоны рвутся
Из души смятенной Тролля.

Он угрюм и хмур, как черный
Фрейлигратовский царь мавров:
Царь так плохо барабанил,
А медведь так плохо пляшет!

Но лишь смех, не состраданье
Будит он. Сама Джульетта
Насмехается с балкона
Над прыжками лютой скорби.

У француженки Джульетты
Нет сердечности немецкой,
Вся - во внешности, но внешность
Восхитительна, волшебна.

Взор ее лучистой сетью
Ловит нас, - и наше сердце,
Точно пойманная рыбка,
Бьется и трепещет нежно.

ГЛАВА II

Черный царь у Фрейлиграта
Так жестоко барабанил,
Так лупил, что барабан
Застонал и с треском лопнул,--

Вот где пафос барабанный,
Вот где барабанный ужас!
Но представьте вид медведя,
Если он с цепи сорвался.

Сразу музыка и пенье
Смолкли. Люди с громким воем
Кинулись, давя друг друга.
Дамы в страхе побледнели.

Да, из рабьих уз на волю
Атта вырвался, прыжками
Полетел вдоль узких улиц
(Каждый был настолько вежлив,

Что поспешно сторонился),
И, вскарабкавшись на скалы,
Вниз презрительно взглянул он,
Рявкнул и пропал в горах.

Так без публики остался
Медвежатник с черной Муммой!
Бешено сорвал он шляпу,
Растоптал ее ногами,

Всех мадонн поправил - и вдруг,
Сбросив плащ рукой бесстыдной,
В мерзкой нагоде явился,--
И как стал честить медвежью

Черную неблагодарность!
Ибо он всегда как с другом
Обращался с Атта Троллем,
Обучил медведя танцам.

Всем ему медведь обязан,
Даже жизнью! Ведь недавно
Сотню талеров давали
За его дрянную шкуру.

Тихой грусти воплощеньем
На державный гнев глядела,

Пал державный гнев: владыка
Бьет ее и обзывает
Королевою Христиной,
Доньей Муньос, проституткой.

Эта драма разыгралась

В чудный теплый день, в июле,

И была великолепна

Ночь, пришедшая на смену.

Половину этой ночи
Простоял я на балконе,
Где стояла и Джульетта,
Созерцая звезды в небе.

И она вздохнула: "Звезды!
Как горят они в Париже,
Отражаясь ночью зимней
В черной уличной грязи!"

ГЛАВА III

Летней ночи сон! Бесцельна
Эта песнь и фантастична --
Как любовь, как жизнь, бесцельна,
Как творец и мирозданье!

Повинуясь лишь капризу,
То галопом, то на крыльях
Мчится в сказочное царство
Мой возлюбленный Пегас.

Это - не битюг мещанства,
Добродетельно-полезный,
И не конь партийной страсти,
Ржущий с пафосом трибуна.

Конь мой белый и крылатый,
Чистым золотом подкован,
Нити жемчуга - поводья, --
Мчись куда захочешь, конь!

В горы мчись тропой воздушной,
На хребты, где воплем страха
Водопад остерегает
От паденья в бездну вздора!

Мчись в укромные долины,
В тихий сумрак чащ дубовых,
Где источник древних былей
Звонко плещет меж корнями!

Дай испить его и влагой
Омочить глаза, - я жажду
Струй живой воды, дарящей
Нам познание и прозрение.

Я прозрел! Я вижу ясно
Дно пещеры глубочайшей --
То берлога Атта Тролля.
Я медвежью речь постиг!

Что за чудеса! Как странно!
Мне знаком язык медвежий!
Не такие ль звуки слышал
Я в отечестве любезном?

ГЛАВА IV

Ронсеваль! Долина славы!
Лишь твое услышу имя,
В сердце вновь, благоухая,
Голубой цветок трепещет.

Предо мной встает, сияя,
Мир сказаний отзвеневших,
Смотрят призраки в глаза мне,--
Сердцу сладостно и жутко.

Что за гром и звон! То франки
Бьются с полчищем неверных.
Там, в ущелье Ронсевальском,
У зубрины Роланда,
Получившей это имя
Оттого, что в гневе яром

Рыцарь добрым Дюрандалем,
Прорубая франкам путь,
Так ударил по утесу,
Что в граните шрам остался,--

Там, в расселине глубокой,
Меж кустов и диких елей,
В вековой угрюмой чаще
Скрыл берлогу Атта Тролль.

Там, в родном семейном лоне,
Он обрел желанный отдых
От своих трудов, спектаклей,
Путешествий и побега.

Что за счастье! Всех детей
Он нашел в родной берлоге,
Где воспитывал их с Муммой,-
Четырех сынов, двух дочек.

Косолапые красотки
Белокуры и дородны.
Словно пасторские дочки;
Три юнца - шатены. Младший -

Одноухий и брюнет.
Это Мумма у любимца
Из любви отгрызла ухо
И на завтрак сожрала.

Мальчик просто гениален!
Он в гимнастике - маэстро.
Стойку делает не хуже,
Чем гимнаст великий Массман.

Цвет отечественной школы,
Лишь родной язык он любит,
Не обучен он жаргону
Древних греков или римлян.

Свеж и бодр, и быстр, и кроток,
Ненавидит мыться мылом,
Презирает эту роскошь,
Как гимнаст великий Массман.

В чем он гений высшей марки --
Это в лазанье по соснам,
Что растут из темной бездны
Вдоль гранитных ребер скал,

Достигая той вершины,
Где обычно все семейство,
Вкруг отца усевшись дружно,
Коротает ночь в беседах.

А старик не прочь о людях
Поболтать в ночной прохладе,
Вспомнить земли и народы,
Все, что видел, претерпел он.

С благородным Лаэртидом
Лишь в одном старик не сходит:
В том, что странствовал с супругой,
С этой черной Пенелопой.

Повествует Атта Тролль,
Как завоевал он славу,
Как своим искусством танца
Приводил людей в восторг.

Он клянется, что на рынках
Стар и млад им восхищались,
Глядя, как он ловко скачет
В такт волынке сладкозвучной.

И в особенности дамы,
Эти жрицы Терпсихоры,
Бешено рукоплескали,
И сулил их взор награду.

О, тщеславие артиста!
Старый танц-медведь с улыбкой
Вспоминал, как восторгалась
Публика его талантом.

В полном самопоенье,
Доказать желая детям,
Что великий он танцор,
А не жалкий хвастунишка,

Вдруг он вскакивает бодро
И на задних лапах пляшет --
Пляшет свой коронный номер,
Свой прославленный гавот.

Молча смотрят медвежата,
Рты раскрыв от изумленья,
Как отец их странно скачет,
Освещенный лунным светом.

ГЛАВА V

Атта Тролль, скорбя душою,
Меж детей лежит в берлоге,
И сосет в раздумье лапу,
И задумчиво бормочет:

"Мумма, Мумма, черный перл!
Я тебя в житейском море
Выловил - и вновь навеки
Потерял в житейском море.

И с тобой не встречусь больше,
Разве там - за дверью гроба,
Где, стряхнув земные космы,
Обретает свет душа.

Ах, еще разок лизнуть бы
Дорогую морду Муммы,
Эта морда так сладка,
Будто вымазана медом.

Ах, еще разок вдохнуть бы
Этот запах несравненный,
Запах милой черной Муммы,
Сладостный, как запах роз.

Но, увы, бедняжка Мумма,
Ты в плену у гнусной твари,
Что зовется человеком,
Мнит себя венцом творенья.

Ад и смерть! На нас, животных,
Эти грош-аристократы,
Эти горе-венценосцы
Нагло смотрят сверху вниз.

Жен, детей у нас воруют,
Бьют нас и сажают на цепь,
Убивают, чтоб присвоить
Наши шкуры и тела.

И себя считают вправе
Так преступно издеваться
Над медведем - это, мол,
Человеческое право!

Человеческое право!
Кто им дал его? Природа?
Естество? Но это было б
Неестественно и дико.

Что за кодекс привилегий?
Кто их выдумал,--рассудок?
Но тогда он безрассудно
Сам себе противоречил!

Люди, чем вы лучше нас?
Тем, что вы едите мясо
Жареным или вареным?
Правда, мы едим сырое,

Но ведь результат такой же!
Благородство не в еде!
Благороден тот, кто в чувствах
И в поступках благороден.

Люди, чем вы лучше нас?
Тем, что вам легко даются
Все искусства и науки?
Но и мы не остолопы!

Разве нет собак ученых,
Лошадей, искусных в счете,
Как бухгалтер, или зайцев,
Барабанящих отлично!

А бобры - не мастера ли
Гидростатики? Иль аист?
Не ему ли мир обязан
Изобретеньем клистира?

А ослы ль не критикуют?
Не актрисы ль обезьяны?
Есть ли лучшие мимистки,
Чем Батавия, мартышка?

Соловей - не песнопевец?
Фрейлиграт - не стихотворец?
Кто бы льва воспел прекрасней,
Чем его земляк верблюдо?

Как танцор - я сам не хуже,
Чем ваш Раумер как историк.
Разве Раумер пишет лучше,
Чем танцую я, медведь?

Люди, чем вы лучше нас?
Тем, что держите вы кверху
Вашу голову? Но -низко
Пресмыкаются в ней мысли.

Или ваше превосходство
В вашей гладкой, скользкой коже?
Но ведь этот самый признак
Отличает и змею.

О двуногих змей порода!
Вот на что нужны вам брюки:
Чтоб прикрыть чужую шерстью
Мерзость наготы змеиной!

Дети, дети! Берегитесь
Безволосых гнусных тварей!
Дочь моя! Не доверяй
Этим подлым змеям в брюках!"

Я не стану сообщать вам,
Как еще медведь-философ
В жажде равенства безумной
Клеветал на человека.

Я ведь сам в конце концов
Человек, и не к лицу мне
Повторять пустые бредни,
Наглые в конечном счете.

Да, я человек, я тоже
Лучше прочих позвоночных;
И сословных интересов
Предавать не собираюсь.

И в борьбе с другим зверьем
Свято защищать я буду
Человечество, святое
Человеческое право.

ГЛАВА VI

Впрочем, людям, этим высшим
Представителям скотины,
Может быть, небесполезно
Знать, о чем в низах толкуют --

Средь четвероногой братьи,
Средь плебеев - в низших сферах
Общества, где обитают
Гордость, нищета и гнев.

Все, что нам дала природа,
Что внесли тысячелетья,
Все, что освятил обычай,
Оскверняют дерзким рылом.

От отцов к сынам и внукам
Переходит злая ересь,
Угрожающая смертью
Гуманизму и культуре.

"Дети! - воет Тролль, катаясь
И ворочаясь на ложе,
Не украшенном коврами,--
Дети! Будущее - наше!

Если б каждый из медведей,
Каждый зверь судил, как я,
Мы объединили б силы
И низвергли бы тирана.

Стал бы конь лесному вепрю
Сотрапезником и другом,
Слон по-братски обвивал бы
Вкруг рогов быка свой хобот.

Волк плечом к плечу с медведем,
И козел, и обезьяна,
Даже заяц - все совместно
Устремились бы к победе.

Единенье! Единенье --
Наша главная потребность!
В одиночку мы рабы,
Вместе мы сильнее тирана.

Единенье! Единенье!
Свергнем власть монополиста,
Установим в мире царство
Справедливости звериной.

Основным его законом
Будет равенство и братство
Божьих тварей, без различья
Веры, запаха и шкуры.

Равенство во всем! Министром
Может быть любой осел.
Лев на мельницу с мешками
Скромно затрусит в упряжке.

Что касается собаки --
Чем в ней вызвано лакейство?
Тем, что люди с ней веками
Обращались как с собакой.

Но она в свободном царстве,
Где вернут ей все былые,
Все исконные права,
Снова станет благородной.

Даже нехристям-евреям
Мы дадим права гражданства
И с любым другим животным
Уравним их пред законом.

Только танцы на базарах
Запретим еврейской расе,--
Но уж этого хочу я
Ради моего искусства.

Ибо нет у этой расы
Строгой пластики движений,
Чувства стиля, - их манеры
Публике испортят вкус".

ГЛАВА VII

Мрачно в сумрачной пещере
Проповедует свирепый
Человеконенавистник
И рычит, скрипя зубами:

"Люди! Хитрые каналы!
Смейтесь, - от улыбки вашей
И от вашей тирании
Нас великий день избавит.

Мне всего обидней в мире
Кисло-сладкая гримаса
Вкруг их пасти, - не терплю я
Человеческой улыбки.

Чуть, бывало, я замечу
Рожу белую с улыбкой,
У меня кишки от гнева
Выворачивает в брюхе.

Ведь еще наглей, чем в слове,
Раскрывается в их смехе
Глубочайшая преступность
Человеческого сердца.

Вечный смех! Смеются даже
Там, где требует приличие,
Чтобы каждый был серьезен,--
В миг торжественный любви.

Вечный смех или улыбка!
Даже пляшут, улыбаясь!
Оскверняют то искусство,
Что должно б остаться культом.

Ведь в былое время танец
Был религиозным актом.
Принося бессмертным жертву,
Хор жрецов кружился в пляске.

Даже царь Давид плясал
Перед скинией Завета,
И творца он славил пляской,
И молился он ногами.

Так и я считал свой танец
Истинным служеньем богу
В дни, когда плясал на рынках
Пред народом восхищенным.

Признаюсь, восторг народа
Был душе моей приятен.
Даже и врага заставить
Восхищаться - кто ж не рад!

Но они смеются нагло
И в пылу энтузиазма:
Им исправить нрав бессильно
И балетное искусство".

ГЛАВА VIII

Добродетельнейший бюргер
Часто пахнет очень плохо,
А иной холуй баронский
Умощен душистой амброй.

Целомудрие нередко
Отдает зеленым мылом,
А порок благоухает
Маслом розовым подчас.

Посему не морщи носа,
Друг-читатель, коль в берлоге
Атта Тролля не учуешь
Аравийских благовоний.

И пребудь со мною в смраде,
В спертom воздухе, где ныне
Наш герой меньшому сыну
Как из облака вещает:

"Сын мой, сын! Отцовских чресел
Младший отпрыск, чутким ухом
К морде отчей ты приникни
И внимай моим словам.

Образ мыслей человека
Гибелен душе и телу, --
Средь людей на белом свете
Нет порядочных людей.

Даже лучшие, германцы,
Правнуки Туискиона,
Наши родственники в прошлом,
Тоже вырожденками стали.

В них иссякла вера в бога,
Превратились в атеистов;
Сын мой, сын мой, берегись
Бауэра и Фейербаха.

Не прельщайся атеизмом:
Ведь медведь без веры в бога --
Не медведь! Должны мы помнить,
Что господь - творец вселенной.

В небесах луна и звезды,
Миллионы звезд хвостатых
(И бесхвостых в равной мере) --
Только отблеск божьей силы.

Твердь небес, вода и суша --
Только эхо божьей славы,
Славят все земные твари
Всемогущество творца.

Даже крохотная вошка
В бороде у пилигрима,
С ним тернистый путь свершая,
Восхваляет мудрость божью.

Там, на золотом престоле,
В небе звездном восседает
Колоссальный, снежно-белый,
Миром правящий медведь.

Незапятнанно-блестящий
Мех на нем. Венец алмазный
На его челе сияет,
Наполняя светом небо.

В мудром взоре мир, и кротость,
И печать высоких мыслей;
Только скипетром взмахнет он --
Зазвенят, играя, сферы.

Вкруг творца благочестивый
Сонм угодников-медведей,
Претерпевших в мире дольнем.
Каждый - с пальмой страстотерпца.

И на каждого нисходит
Дух святой поочередно,
И, вскочив, угодник пляшет
Вдохновенный Танец Танцев.

Танец милостью господней,--
Для него талант не нужен,
Но душа, возликовав,
Хочет выпрыгнуть из шкуры.

Буду ль, недостойный Тролль,
Удостоен благодати?
Из глухой земной юдоли
Воспарю ль в страну блаженства?

Буду ль в райском упоенье
Наверху, под сенью звездной,
В нимбе славы, с пальмой в лапах
Танцевать пред божьим тронем?"

ГЛАВА IX

Черный царь у Фрейлиграта
Свой язык пурпурно-красный
Высунул в угрюмой злобе
Из глумящегося рта,--

Так багряный месяц вылез,
Как язык, из черной тучи.
Водопад бессонный ропщет,
Злобным гулом будит ночь.

Атта Тролль стоит над бездной
На своем родном утесе,
Одинокий и свирепый,
Воет в пропасть, в бурю, в ночь.

"Да, я тот медведь, тот самый
Косолап, Мохнач, Топтыгин,
Изегрим и бог вас знает,
Как вы там меня зовете.

Я - медведь, одетый в шкуру
Неубитого медведя,
Я - Михайло неуклюжий,
Над которым вы смеетесь.

Я - мишень острот, насмешек.
Я - чудовище, которым
Вы страшаете ночами
Невоспитанных детей.

Я - предмет издевки грубой
Ваших басен, ваших сказок,
Ныне вам кричу я громко
В ваш людской, проклятый мир:

Знайте, знайте, я - медведь!
Не стыжусь происхождения,
Им я горд, как если б дедом
Был мне Мозес Мендельсон".

ГЛАВА X

Две мохнатые фигуры
Вида страшного и злого
В тьме ночной на четвереньках
Ломятся сквозь дикий ельник.

То отец и сын любимый --
Атта Тролль и Одноухий.
Там, где бор светлеет, стали,
Притаясь у Камня Крови.

"Этот камень, - молвит Атта, --
Алтарем был у друидов,
Здесь когда-то приносились
Человеческие жертвы.

О, жестокое злодейство:
Лили кровь во славу божью!
Только вспомню эту мерзость --
Дыбом шерсть на мне встает.

Ныне стали просвещенней
Эти твари. И к убийству
Побуждает их не ревность
К высшим интересам неба,

Нет, не бред благочестивый,
Не безумство фанатизма --
В наши дни корысть и алчность
Их толкают на убийство.

Все вперегонки стремятся
Захватить земные блага,
И свирепо, в вечной драке
Каждый рвет себе кусок.

Да! Имущество народа
Похищает одиночка
И про собственность толкует,
Убежден в правах владенья.

Собственность! Права владенья!
О, лжецы! Злодеи! Воры!
Так нелепо и коварно
Может лгать лишь человек.

Посуди, ну кто же видел
Собственников от рожденья?
Ведь на свет мы все выходим
Даже без кармана в шкуре.

Разве на своей обертке
Кто-нибудь из нас имеет
Этакий мешок особый
Для украденных вещей?

Только людям, только тварям,
Что в чужую шерсть рядятся,
Выдумать пришлось нарочно
Этот воровской карман.

Их карман - да он природе,
Так же как права владенья
И как собственность - противен!
Человек - карманный вор!

Сын! Тебе я завещаю
Ненависть мою святую.
Здесь, на алтаре, клянись мне
В вечной ненависти к людям!

Будь врагом непримиримым
Угнетателей проклятых,
Лютым их врагом до гроба!
Клятву, клятву дай, мой сын!"

И поклялся Корноухий
Ганнибал. Луна струила
Желтый свет на Камень Крови,
На мохнатых мизантропов.

Как исполнил медвежонок
Клятву, позже сообщу я.
Будет он в другой поэме
Нашей лирою прославлен.

Ну, а что до Атта Тролля,
Мы пока его оставим,
Чтобы скоро тем надежней
Поразить медведя пулей.

Ты, крамольник, посягнувший
На величье человека!
Протокол мой я закончил,
Жди облавы завтра днем.

ГЛАВА XI

Как под утро баядерки,
Зябко ежась, дремлют горы.
Как рубашки, свежий ветер
Зыблет белые туманы.

Но, срывая сумрак чуждый,
Светлый бог красавиц будит,
Озаряет, изумленный,
Их нагую красоту.

До зари с Ласкаро встал я
На охоту за медведем.
Долго шли и ровно в полдень
Вышли мы на Pont d'Espagne,--

Мост, из Франции ведущий
В землю варваров на запад,
В землю варваров-испанцев,
Лет на тысячу отставших.

Лет на тысячу отставших
От Европы современной.
Немцы, варвары востока,
Лишь на сотню лет отстали.

Робко медлил я покинуть
Землю Франции святую,
Эту родину свободы
И любимых мною женщин.

На мосту сидел испанец,
Музыкант в плаще дырявом;
Нищета гнездилась в дырах,
Нищета из глаз глядела.

Струны старой мандолины
Он терзал костлявым пальцем.
Эхо в пропасти, дурачась,
Передразнивало звуки.

Часто вниз он наклонялся,
И, смеясь, глядел он в пропасть,
И бренчал еще безумней,
И такую пел он песню:

"У меня ли в сердце - столик,
Золотой есть хитрый столик.
Чистым золотом сверкают
Золотых четыре стула.

И сидят четыре дамы,
Золотой убор на каждой.
И играют дамы в карты.
Всех обыгрывает Клара.

Обыграет - и смеется.
Ах, в моем ты сердце, Клара,
Вечно в выигрыше будешь:
Все ты козыри взяла".

Я прошел, подумав: "Странно!
Почему поет безумье
На мосту, соединившем
Мир испанский и французский?"

Иль оно для наций символ
Их идейного общенья,
Иль бессмысленный заглавный
Лист народа своего?"

Только ночью добрались мы
До гостиницы убогой,
Где, дымясь в кастрюле грязной,
Грелась *olea potrida*.

Там вгусил я и гарбанцос,
Тяжких, твердых, словно пули,
Несваримых и для немца,
Что на грузных клецках вскормлен.

Но кровать затмила кухню:
Вся наперчена клопами!
Меж врагами человека
Злейший враг - ничтожный клоп.

Лучше бешеная ярость
Тысячи слонов, чем злоба
Одного клопа дрянного,
Что в постели притаился.

Не ропща, ему отдаться
На съеденье - очень тяжело.
Раздавить его - от вони
Не уснешь потом всю ночь.

Да, страшней всего на свете
Битва с неприметным гадом,
Для которого оружием
Служит вонь, - дуэль с клопом!

ГЛАВА XII

Все поэты - фантазеры,
Даже те, что сердцем робки.
Восклицают: "О природа,
Ты - творца великий храм !

Храм, чья пышность и богатство
Слабый отблеск божьей славы.
Солнце, и луна, и звезды --
Лампы тусклые под сводом".

Люди добрые, согласен!
Но признайтесь, в этом храме
Лестницы - весьма плохие;
Худших лестниц я не видел.

Вверх и вниз! Все время скачешь
То с горы, то в гору снова,
И моя душа и ноги,
Наконец, устали прыгать.

Рядом шел со мной Ласкаро,
Длинный, бледный, точно свечка,
Все молчит, не улыбнется
Этот мертвый отпрыск ведьмы.

Да, по слухам, он мертвец,
Умер он давно, но в тело
Мать Урака ворожбою
Жизни видимость вселила.

Ну и храм! Да будь он проклят
Вместе с лестницами 1 Право,
До сих пор не понимаю,
Как я в пропасть не свалился.

Водопады грохотали,
Сосны выли - так хлестал их
Ветер с ливнем вперемежку.
В общем, гнусная погода!

Лишь на озере де Гоб
В тесной хижине рыбацкой
Мы нашли приют желанный
И форелей превосходных.

У окна лежал там в кресле
Старый хворый перевозчик.
За больным ходили нежно
Две племянницы-красотки.

Обе ангелам подобны,
Толстым ангелам фламандским,
Будто Рубенс написал их,
Златокудых, синеглазых.

В ямочках на щечках алых
Смех лукавый притаился.
Роскошь сильных тел будила
Тайный страх и сладострастье.

Эти добрые созданы
Восхитительно болтали,
Споря, как больному дяде
Угодить питьем лечебным.

Та совала пациенту
Чашку с липовым отваром,
Та с бузиною настойкой
Наступала на беднягу.

"Не хочу я ваших зелий! --
Вскрикнул он нетерпеливо.--
Дайте мне вина - с гостями
Разопьем по доброй чарке".

Может быть, и впрямь напиток,
Поднесенный мне радушно,
Был вином, но в Брауншвейге
Я б решил, что это - мумме.

Был из лучшей козьей шкуры
Черный мех; смердел отменно.
Но старик развеселился,
Пил - и выздоровел сразу.

Говорил он о бандитах,
Промышляющих свободно
Грабежом и контрабандой
В чащах вольных Пиренеев.

Много знал он старых сказок,
Местных былей, между прочим
Рассказал о древних битвах
Исполинов и медведей.

Исполины и медведи
До прихода человека
Воевали за господство
Над землей, над краем здешним.

Но когда явились люди,
Исполины растерялись
И бежали: мало мозгу
В столь объемистой башке.

Говорят, что дуралеи,
Моря вольного достигнув
И увидев свод небесный,
Отраженный в синей глуби,

Море приняли за небо
И, доверив душу богу,
В воду прыгнули с разбега,--
Так гуртом и утонули.

Что касается медведей --
Человек их истребляет
Постепенно, и в предгорьях
С каждым годом их все меньше.

"Так на свете, - молвил старый, -
Свой черед всему приходит:
После царства человека
Царство карликов настанет.

Царство гномов, умных крошек,
Что гнездятся в недрах горных,
Вечно роясь и копаясь
В шахтах золотых богатства.

При луне я сам их видел:
Высунут из нор головки
И, принюхиваясь, смотрят.
Страшно будущее наше!

Да, богаты карапузы!
Внуки, внуки! Не пришлось бы
Вам, как глупым исполинам,
Прыгнуть в небо водяное!"

ГЛАВА XIII

В темной горной котловине
Дремлет озеро недвижно.
С тихой грустью смотрят звезды
В черный омут.
Сон и полночь...

Полночь. Сон. Удары весел.
Словно плещущая тайна,
Челн плывет. Легко и быстро
Вместо лодочника-дяди

Правят девушки. Во мраке
Синие глаза сияют,
Искрясь влажными звездами,
Голые белеют руки.

Как всегда безмолвный, бледный,
Близ меня сидит Ласкаро.
Дрожь берет меня при мысли,
Что и вправду он покойник.

Может быть, и сам я мертвый
И плыву по влаге темной
С бестелесными тенями
В царство призраков холодных?

Это озеро - не Стикс ли?
Не рабыни ль Прозерпины
За отсутствием Харона
К ней везут меня насильно?

Нет, покуда я не умер,
Не погас, и в сердце пляшет,
И ликует, и смеется
Лучезарный пламень жизни!

В этих девушках, чьи весла
Влагой весело играют,
Плещут на меня и брызжут,
В этих свежих крепких девках,

И смешливых, и лукавых,
Ничего нет от коварных
Бестелесных камер-кошек,
От прислужниц Прозерпины.

Чтоб совсем не сомневаться
В плотской их, земной природе,
Чтоб на деле убедиться
В том, что сам я полон жизни,--

Я прижал проворно губы
К нежным ямочкам на щечках
И сейчас же сделал вывод:
Я целую - значит, жив.

К берегу пристав, еще раз
Я расцеловал резвущек,--
Никакой другой монеты
За провоз они не взяли.

ГЛАВА XIV

В блеске солнца золотого
Горы синие смеются,
Дерзким гнездышком к обрыву
Прилепилась деревушка.

К ней вскарабкавшись, увидел
Я, что взрослые в отлете.
Лишь птенцы остались дома --
Смуглолицые мальчонки,

Черноглазые девчушки
В белых шапочках и в красных,
Закрывавших лоб до глаз.
Я застал их всех на рынке.

Детвора играла в свадьбу:
Принц мышиный, млея страстью,
На коленях, патетично
Речь держал к принцессе-кошке.

Бедный принц! Возьмет красотку,
А красotka злобно фыркнет,
Цап-царап - и съест беднягу:
Кошке смех, а мышке - грех!

Целый день с детьми провел я.
Мы доверчиво болтали.
Детвора узнать хотела,
Кто я, чем я занимаюсь.

"Детки милые, - сказал я, --
Я - охотник на медведей,
Ибо я германец родом,
Родился в медвежьем царстве.

Уж со многих снял я шкуру
Через их медвежьи уши
И не раз медвежьим когтем
Был изрядно поцарапан.

Наконец осточертело
Мне в отечестве любезном
Каждый день сражаться насмерть
С неотесанным болваном.

И направился я в горы
Поискать получше дичи,--
Испытать хочу я силу
На великом Атта Тролле.

Вот герой, меня достойный!
Ах, в Германии случилось
Биться мне с такою дрянью,
Что стыдился я победы".

Наконец я стал прощаться.
Обступив меня, малютки
В пляс пустились и запели:
"Жирофлино, Жирофлетте!"

А потом из круга смело
Вышла самая меньшая,
Раз, и два, и три присела
И пропела мне одна:

"Если короля я встречу,
Перед ним я раз присяду,
Если встречу королеву,
То присяду раз и два.

А когда мне черт рогатый
На дороге попадетя,
Раз, и два, и три присяду,
Жирофлино, Жирофлетте!"

"Жирофлино, Жирофлетте!" --
Подхватил весь хор дразнилку
И, как вихорь, завертелся
Хоровод у ног моих.

И пока я шел в долину,
Затихая, вслед звенело,
Как веселый щебет птичий:
"Жирофлино, Жирофлетте!"

ГЛАВА XV

Крючась, корчась безобразно,
Неприступных скал громады
Взглядом чудищ допотопных
На меня глядят свирепо.

В небесах седые тучи,
Двойники утесов мрачных,
Буйно мчатся, повторяя
Формы каменных чудовищ.

Водопад вдали бушует,
В темных елях воет ветер;
Этот гул - неумолимый,
Роковой, как безнадежность.

Страшно в дебрях запустелых!
Вкруг вершин угрюмых сосен
Кружат галки черной тучей,
То садятся, то взлетают.

Вслед за мной идет Ласкаро,
Бледен, хмур, и, верно, сам я
Схож с безумьем, за которым
Скорбный спутник, смерть, шагает.

Что за дикая пустыня!
Иль на ней лежит проклятье?
Кажется, я вижу кровь
На корнях той чахлой ели.

Вон стоит под ней лачуга,
От стыда зарылась в землю,
И соломенная крыша
Робко молит подаянья.

В хижине живут каготы,
Полувывершее племя,
Чья растоптанная жизнь
В непроглядной тьме влачится.

Баск таит в душе поныне
Отвращение к каготу,--
Это мрачный пережиток
Черной эры фанатизма.

Видел я собор в Баньере.
Там решетчатая дверца,
Как сказал мне старый кистер -
Вход отдельный для каготов.

Им законом запрещалось
Проходить в другие двери.
Сторонясь людей, украдкой
В божий дом входил кагот.

Там на низенькой скамейке
Мог он сесть и помолиться,
Одинок, как прокаженный,
Всею паствою отвержен.

Но святой веселый факел
Просвещенья светит ясно,
Разгоняет ярким блеском
Черный мрак средневековья.

Не хотел войти Ласкаро
Вслед за мною в дом кагота;
Я вошел один и брату
Подавал руку дружелюбно.

И поцеловал младенца,
Что сосал, вцепившись жадно,
Грудь каготки,- был похож он
На больного паучонка.

ГЛАВА XVI

Если ты глядишь на горы
Издали - они сияют,
Щедрым солнцем разодеты
В золото и в гордый пурпур.

Но вблизи наряд их меркнет,--
Так всегда бывает в мире:
Блеск величия земного
Только световой эффект.

Смотришь, золото и пурпур,--
Ах, ведь это снег тщеславный!
Тот тщеславный снег, что жалко
В одиночестве томится.

Вдруг я слышу, надо мною
Скрипнул снег, и застонал он,
О своей о белой грусти
Плачась ветру ледяному.

"О, как медленно, - вздохнул он,
Тянутся часы в пустыне!
Каждый час тут бесконечен,
Как замерзнувшая вечность.

О, я белый снег! О, если б
Не на мерзлой горной круче,
А в долине я лежал бы,
В расцветающей долине!

Я б ручьем тогда растаял,
И в моей волне прозрачной
Умывались бы, плескались
Деревенские красотки.

И, быть может, я б до моря
Докатился, стал бы перлом,
И, быть может, украшал бы
Королевскую корону".

Все прослушав, так сказал я:
"Милый снег, я сомневаюсь,
Чтоб такой блестящий жребий
Ожидал тебя в долине.

Но утешься: лишь немногим
Выйти в жемчуг удастся.
Ты бы мог попасть и в лужу,
Стать обычной вязкой грязью".

И пока я в этом стиле
Говорил с печальным снегом,
Грянул выстрел - и на землю
Камнем пал убитый коршун.

То охотничьей забавой
Позабавился Ласкаро,
Ствол его ружья дымился,
Но безжизненно глядел он.

Молча вырвал он перо
Из хвоста могучей птицы,
Насадил его на шляпу
И пошел угрюмо дальше.

Я смотрел в невольном страхе,
Как, черна и непомерна,
Тень его с пером огромным
Быстро двигалась по снегу.

ГЛАВА XVII

Точно улица - долина,
Имя ей - Ущелье Духов.
По бокам до неба встали
Стены сумрачных утесов.

Там, с невероятной кручи,
Словно страж, глядит в долину
Дом У раки. К старой ведьме
Я пошел с Ласкаро вместе.

Языком волшебных знаков
Он держал совет с мамашей:
Как верней загнать в ловушку
И убить нам Атта Тролля,

Ибо след его нашли мы!
Атта Тролля, от нашей пули
Ты теперь не увернешься,
Сочтены твои часы!

Вправду ль старая Урака --
Выдающаяся ведьма,
Как с почтением и страхом
Молвят люди в Пиренеях,--

Я решать не собираюсь,
Лишь скажу, что вид у ведьмы
Подозрительный, что мерзко
Красные глаза слезятся,

Взгляд пронзительный и злой.
Говорят, от взгляда ведьмы
У коров в окрестных селах
Пропадало молоко.

Уверяют, свиньи дохли
И быки околевали,
Если ведьма прикасалась
К ним своей рукой костлявой.

За такие преступления
Уж не раз ее водили
К мировому. Но судья здесь
Закоснелый вольтерьянец,

Легкомысленный безбожник
И поборник новых взглядов.
Всех истцов гоня нещадно,
Этот скептик лишь глумился.

Для властей, официально,
Занимается Урака
Честным ремеслом - продажей
Горных трав и чучел птичьих.

Сплошь полна была лачуга
Разных зелий. Душный запах
Шел от дольника, дурмана,
Белены и мандрагоры.

Был подбор великолепный
Разных коршунов на стенах:
Крылья хищно распростерты,
Клювы мощны и горбаты.

Видно, душный запах зелий
Так мне в голову ударил,
Что при виде этих чучел
Стало странно мне и страшно.

Может быть, в несчастных птицах,
Выпотрошенных колдуньей,
Силой магии томятся
Заколдованные люди?

Взгляд их, скорбный и недвижимый,
Полон горьким нетерпеньем,
Иногда они на ведьму
В тихом ужасе косятся.

Та на корточках, пригнувшись,
У огня сидит с Ласкаро
И свинец бесовский плавит,
Заговаривает пули.

Отливает пулю смерти,
Пулю в сердце Атта Тролля.
На ее лице багровый
Отблеск пламени трепещет.

И беззвучно шевелятся
Бледные сухие губы.
Не заклятем ли волшебным
Освящает ведьма пули?

То мигнет, то подхихикнет
Сыну. Но еще недвижней
И еще мрачней Ласкаро,
Молчаливый, точно смерть.

Одурманенный кошмаром,
Встал я и пошел к окошку,
Чтоб вдохнуть прохладный воздух,
И взглянул я вниз, в ущелье.

И увиденное мною
Между полночью и часом
Я правдиво и красиво
Опишу в ближайших главах.

ГЛАВА XVIII

Это было в полнолуние
В ночь святого Иоанна,
В час, когда своим ущельем
Духи мчатся на охоту.

Из окна Ураки старой,
Из гнезда коварной ведьмы
Наблюдать я мог отлично
Скачку призраков полночных.

Как в театре, в лучших креслах,
Мог следить я за спектаклем,
Видел ясно, как ликует
Смерть, восставшая из гроба.

Свист бичей, и рев, и крики,
Лай собак и ржанье коней,
Гул рогов, и звонкий хохот,
И веселый отклик эха.

Вслед за крупной красной дичью,
Убегавшей от погони,
Вслед за стадом серн и вепрей
Мчалась алчущая свора.

А за нею звероловы
Разных стран, эпох и наций:
Так, с Нимродом Ассирийским
Рядом неся Карл Десятый.

На конях они промчались,
А за ними пешим ходом
Поспевали копьеносцы,
Слуги с факелами, челядь.

Не один охотник дикий
Мне знакомым показался.
Рыцарь в золотых доспехах
Не был ли король Артур?

Или тот храбрец в зеленой
Переливчатой кольчуге,
Схож с огромною лягушкой,--
Не был ли Ожье Датчанин?

Были там герои мысли
И поэты - был наш Вольфганг.
Я узнал его по блеску
Жизнерадостного взора.

Проклят темным Генгстенбергом,
Он в гробу лежать не может
И с язычниками снова
Правит буйный праздник жизни.

По приветливой улыбке
Мною признан был и Вильям,
Тот, на ком лежит проклятье
Пуритан, - и этот грешник

Осужден с воздушным сонмом
На коне скакать ночами.
А вдогонку трясся кто-то
На осле, - святое небо! --

В колпаке ночном, в халате,
С богомольно-постной миной,
Благочестие во взорах --
Это старый друг Франц Горн!

Лишь за то, что бедный малый
Комментировал Шекспира,
Должен он и мертвый мчаться
Вслед за ним в глухую полночь.

Тихий Франц! Он должен мчаться,
Тот, кто шаг ступить боялся,
Кто отважно подвизался
Только в сплетнях да в молитвах.

Старых дев, что услаждали
Мир его души смиренной,
Не повергнет ли в смятенье
Весть о том, что Франц - охотник!

Вот, пустив коня галопом,
Смотрит вниз великий Вильям
И смеется над испугом
Комментатора-бедняги.

Бледный, к обмороку близкий,
За седло держась от страха,
Он и мертвый, как при жизни,
Верно следует поэту.

В небывалой кавалькаде
Я и дам немало видел,
Видел нимф, красавиц юных,
Буйно мчавшихся верхом.

Все мифологично голы,--
Только волосы густые,
Золотым плащом спадая,
Наготу их прикрывали.

Гордо выпрямившись в седлах,
Глядя смело и надменно,
Все в венках из винограда,
Девы тирсами махали.

Дальше, сидя в дамских седлах,
Мчались рыцарские дамы,
В платьях, наглухо закрытых,
С соколами на руках.

Вслед за ними пародийно,
На одрах, на тощих клячах,
Ехал сброд из разных женщин,
Балаганно расфранченных.

Лица были очень милы,
Но, клянусь, довольно наглы,--
Похотливо зазывали
Разрумяненные щеки.

О, как все здесь ликовало --
Вой рогов и звонкий хохот,
Свист бичей, и рев, и крики,
Лай собак, и ржанье коней!

ГЛАВА XIX

Но в середине кавалькады
Три красавицы летели;
Я вовеки не забуду
Тот трилистник красоты.

И одну узнал я сразу:
Лунный серп венчал ей кудри,
Мчалась гордым изваяньем
Величавая богиня.

Чуть прикрытые, белели,
Точно мрамор, грудь и бедра.
Их лаская сладострастно,
Лунный свет играл на теле.

В блеске факелов как мрамор
Бледен был и лик богини.
Ужасала неподвижность
Благородно-строгих черт.

Лишь в глазах пылал, как в гор!
Пламень сладостный и страшный,
Полыхал, сердца ввергая
В ослепление и в гибель.

Как Диана изменилась --
Та, кто псами затравила
Актеона в исступленья
Целомудренного гнева!

В этом обществе галантном,
Искушая грех старинный,
Ныне призраком полночным
Мчится дочь земной юдоли.

Поздно, но и тем страшнее
В ней проснулось сладострастье,
И в глазах ее пылает
Ненасытный адский пламень.

Жаль ей, что теряла время:
Пол мужской был встарь красивей;
И количеством богиня
Хочет качество восполнить.

Рядом с ней другая мчалась,
Но не строгостью античной --
Кельтской прелестью дышала
Красота ее лица.

То была - узнал я сразу --
Фея Севера, Абунда:
Та же нежная улыбка,
Тот же смех, веселый, звонкий.

Щеки розовы и свежи,
Будто мастер Грез писал их;
Рот - сердечком, чуть открытый,
Ослепительные зубы.

Ветерок, ночной повеса,
Голубой играл сорочкой.
Плеч подобных не видал я
Даже в лучших сновиденьях.

Я в окно готов был прыгнуть,
Чтоб расцеловать красотку,--
Правда, мне пришлось бы плохо,
Ибо я сломал бы шею.

Ах, она б лишь рассмеялась,
Если б в пропасть, обезумев,
Я у ног ее свалился.
Ах, я знаю этот смех!

Ну, а третья, пред которой
Трепет кровь твою наполнил,--
Как другие две, быть может,
И она была чертовка?

Ангел, черт ли - я не знаю,
Но ведь именно у женщин
Никогда не знаешь толком,
Где в них ангел, где в них черт.

Был в глазах безумных, знойных
Весь волшебный блеск Востока,
Был на ней убор бесценный,
Точно в сказках Шахразады.

Губы - нежные гранаты,
Нос лилейный, чуть с горбинкой.
Тело стройно и прохладно,
Точно пальма в жар полдневный.

Белый конь играл под нею.
Два высоких черных мавра
Шли с боков, держа царице
Золоченые поводыя.

Да, она была царица,
Королева Иудеи,
Та, чью страсть насытил Ирод
Головою Иоанна.

И за это преступленье
Казнь она несет за гробом:
В сонме призраков ей мчатся
Вплоть до Страшного суда.

И в руках она доньше
Держит блюдо с головою
Иоанна и безумно
Эту голову целует.

Ведь она его любила.
Библия молчит об этом,
Но хранит народ преданье
О ее любви кровавой.

Да и как понять иначе
Злую прихоть этой дамы?
Женщина - лишь если любит,
Снимет голову с мужчины.

Рассердилась отчего-то,
Вот и голову срубила,
Но едва лишь увидела
Эту голову на блюде --

Помешалась и от горя
Умерла в безумье страсти.
(Плеоназм: безумье страсти!
Страсть сама уже - безумье.)

И она, держа, как прежде,
Блюдо с головой кровавой,
Ночью скачет на охоту,
Забавляясь тем, что в воздух

Эту голову бросает,
И, как мяч, проворно ловит,
И смеется детским смехом
Женски-дикому капризу.

Мимо мчась, она глядела
Мне в глаза и вдруг кивнула
Так кокетливо и томно,
Что пронзила боль мне сердце.

Трижды, как волна колеблясь,
Мчалась мимо кавалькада,
Трижды, мимо пролетая,
Мне кивал прекрасный призрак.

И хотя давно виденье
Отзвучало и поблекло,
Долго мне привет царицы
Жег взволнованное сердце.

И потом всю ночь до света
Я ворочался, усталый,
На соломе (в доме ведьмы
Не было перин пуховых).

Все я думал: почему ты
Так загадочно кивала?
Почему так странно нежен
Был твой взор, Иродиада?

ГЛАВА XX

Солнце в белый мрак тумана
Мечет стрелы золотые,
И туман багрится кровью,
Тая в блеске и сиянье.

Лучезарный триумфатор,
Яркий день восходит в небе,
Наступив пятой на темя
Побежденных светом гор.

Зазвенели, засвистели
Птицы в гнездах потаенных,
И концертом ароматов
Мир наполнили растенья.

Утром, с первыми лучами,
Мы сошли с горы в долину,
И пока Ласкаро молча
Изучал следы медведя,

Я убить старался время
Размышленьями, но скоро
Утомлен был вихрем мыслей,
И невольно мне взгрустнулось.

И под ясенем зеленым,
Где журчал ручей прозрачный,
Лег я, грустный и усталый,
На траву, лицом к лазури.

И ручья волшебным плеском
Зачарованный волшебю,
Перестал грустить и думать
В забытии бездумной лени.

Но в душе росло желанье --
Жажда сна, безумья, смерти,
Все мучительней сиял мне
Образ трех ночных красавиц.

О прекрасное виденье,
Сон, развеянный зарею,
О, скажи, куда ты скрылся,
Где ты светлым днем таишься?

Под развалинами храмов,
Уцелевшими' в Романье,
Днем скрывается Диана
От дневной Христовой власти.

Лишь во тьме, в глухую полночь,
Выходить она дерзает,
Чтоб развлечься травлей зверя
В обществе подруг-язычниц.

А прелестная Абунда
Так боится назарейца,
Что дневной досуг проводит
В неприступном Авалуне.

Этот остров затерялся
В тихом море романтизма.
Только конь волшебной сказки
Долетит к нему на крыльях.

Там забота не причалит,
Пароход не бросит якорь,
Не появится филистер
С вечной трубкою в зубах.

Сонной одури и скуки
Не нагонит звон церковный,
Этот феям ненавистный,
Мрачный гул колоколов.

Там и царствует в веселье,
Вечной юностью сияя,
Жизнерадостная фея,
Светлокудрая Абунда.

Там в прогулках и в беседах,
Средь подсолнечников ярких,
Дни проводит королева
Паладинов, мир забывших.

Да, но ты, Иродиада,
Где же ты, скажи! Я знаю,
Ты мертва, лежишь в могиле,
Там, где град Ерушолаим.

Днем - недвижимый труп - лежишь ты!
В величавом саркофаге.
В полночь ты встаешь, слышав
Свист бичей и звонкий хохот.

И летишь за буйным сонмом,
За Дианой и Абундой,
Средь охотников веселых,
Невзлюбивших крест и муку.

Что за общество! О, если б
Сам я мог скакать ночами
По лесам! С тобою рядом
Я б летел, Иродиада!

Ибо ты мне всех милее,
Больше греческой богини,
Больше феи ты мила мне,
Ты, о мертвая еврейка!

Я люблю тебя. Ты видишь,
Как душа во мне трепещет!
Будь моей, моей девчонкой,
Мой кумир Иродиада!

Будь моей, отдай мне сердце!
Выкинь в мусор это блюдо
С головой глупца кровавой,
Лучшим блюдом насладись.

Посмотри, я словно создан
Для тебя! Мне горя мало --
Проклял бог тебя, мертва ль ты,
Это все ведь предрассудки.

И с моим блаженством вечным
Обстоит весьма неясно,
И живой я или мертвый,
Я и сам подчас не знаю.

Лишь позволь - и точно рыцарь,
Точно cavalier-servente 1,
Буду я носить твой плащ
И терпеть твои капризы.

По ночам с тобою рядом
Буду мчаться в диком сонме,
Говорить с тобой, смеяться
Над своей безумной речью.

Коротать с тобою буду
Ночи долгие, но днем
Буду, грустный, одинокий,
Плакать на твоей могиле;

День за днем сидеть и плакать
Там, где прах царей великих,
Там, где гроб моей любимой,
Там, где град Ерушолаим.

И старик, еврей бездомный,
Проходя, вздохнет и скажет:
"Плачет он, что храм разрушен,
Что погиб Ерушалаим".

ГЛАВА XXI

Аргонавтами без Арго
Мы в горах пешком блуждали,
Не руно, не золотое --
Шкура снилась нам медвежья.

Ах мы, горе-аргонавты,
Следопыты новой кройки!
Никакой великий классик
Наших странствий не прославит.

А уж мы ль не настрадались!
И каким жестоким ливнем
Угостило нас на круче,
Где ни деревца, ни дрожек.

Грыжа ль прорвалась у туч?
(Мог бандаж набрюшный лопнуть.)
Но такого ливня с градом
Не видал Ясон в Колхиде.

"Зонтик! Тридцать шесть монархов
За один-единный зонтик
Отдаю гуртом!" - кричал я,
А с меня лилась вода.

Утомленные смертельно,
Раздраженные и злые,
С видом мокрых псов пришли мы
Поздно ночью в дом Ураки.

Ведьма, сидя у огня,
Мопса толстого чесала,
Но, как только мы явились,
Псу дана была отставка.

Занялась Урака нами.
Приготовила мне ложе,
Развязала эспардильи --
Неудобнейшую обувь,

Помогла стянуть мне куртку
И прилипнувшие брюки.
Так болван иной прилипнет
Со своей дурацкой дружбой.

"Шлафрок! Тридцать шесть монархов
За сухой и теплый шлафрок!" --
Закричал я.
Пар валил
От моей рубашки мокрой.

Весь дрожа, стуча зубами,
Постоял я перед жаром
И, в тепле размякнув сразу,
Опустился на солому.

Сон не шел. Глядел я, жмурясь,
Как раздела ведьма сына.
Села с ним к огню и молча
Полуголого к себе

Положила на колени.
Мопс пред ней на задних лапах
Встал, - в передних очень ловко
Он держал горшочек с зельем.

Из горшка взяла Урака
Красный жир и стала жиром
Сыну мазать грудь и ребра,
Мазать быстро и поспешно.

Терла, мазала, жужжала,
Убаюкивала сына,
И, потрескивая странно,
В очаге шумело пламя.

Словно труп, костлявый, желтый,
К лону матери приникнув,
Сын лежал и скорбным взором
Пред собой глядел недвижно.

Неужель он вправду мертвый --
Материнскою любовью,
Силой зелья колдовского
Оживленный, бледный призрак?

Станный полусон горячки:
Тело - как свинцом налито,
Ты лежишь пластом, но чувства
Напряглись невыносимо.

Этот душный запах зелий!
Я мучительно старался
Вспомнить, где его я слышал,
Но припомнить был не в силах.

Этот вой и скрежет ветра
В очаге, как будто стоны
Душ измученных, - казалось,
Голоса их узнавал я.

А потом, какого страха
Натерпелся я от чучел,
В ряд расставленных на полке
Над моею головою!

Хищно, медленно и страшно
Птицы расправляли крылья,
Мне в лицо уставив клювы,
Точно длинные носы.

Где носы такие мог я
Видеть раньше?.. В Дюссельдорфе?
В Гамбурге? С каким мученьем
Я ловил воспоминанье!

Наконец, меня осилив,
Сон пришел на смену яви,
Вместо бреда наяву --
Крепкий и здоровый сон.

И приснилось мне: лачуга
Стала пышным бальным залом,
Залом с белой колоннадой,
С ярким светом жирандолей.

Исполнял оркестр незримый
Танцы из "Robert le Diable" --
Нечестивый пляс монахинь;
Но гулял я там один.

Наконец раскрылись двери,
И входить попарно стали
Медленным и важным строем
Удивительные гости:

Привиденья и медведи.
Каждый кавалер мохнатый
Вел, идя на задних лапах,
Призрак в саване могильном.

И по всем законам бала
Пары в вальсе закружились;
То-то был курьезный номер,
Страх и смех, представьте сами!

Косолапым кавалерам
Приходилось очень туго:
Да и как не сбиться с такта
В вальсе с призраком бесплотным!

Словно вихрь неумолимый,
Вальс кружил зверей несчастных,
Их сопенье заглушало
Даже мощный контрабас.

Часто пары спотыкались,
И медведь рычал на призрак
И его по заду шлепал,
Чтобы неуч не толкался.

А порою в вихре танца
С головы своей подруги
Саван стаскивал медведь,--
И на свет являлся череп.

Но внезапно загремели
Барабаны и литавры,
Подхватили звонко трубы,
И всю пошел галоп.

Эта часть мне не доснилась,
Ибо вдруг один Топтыгин
Наступил мне на мозоль:
Я завыл и пробудился.

ГЛАВА XXII

Хлещет Феб коней ретивых,
Гонит весело квадригу,
Он уже почти полнеба
В дрожках солнечных объехал.

Только в полдень перестал я
Грезить о медвежьем вальсе,
Вырвался из плена странных,
Фантастичных сновидений.

Осмотревшись, я увидел,
Что в лачуге я один.
Мать Урака и Ласкаро
Рано вышли на охоту.

В хижине остался только
Толстый мопс; у очага
Он стоял на задних лапах,
В котелке мешая ложкой.

Повар был он, видно, знатный!
Увидав, что суп вскипает,
Стал он дуть, мешая чаще,
Чтобы снять густую накипь.

Сам я, что ли, околдован,
Или это лихорадка?
Я ушам своим не верю:
Толстый мопс заговорил!

Да, и очень задушевно
Речь повел на чисто швабском;
Говорил и словно грезил --
Как возвышенный мечтатель:

"О, поэт я бедный швабский!
На чужбине суждено мне,
Заколдованному мопсу,
Кипятить настои ведьме.

Как позорно и преступно
Ведьмовство! И как трагичен
Жребий мой: в собачьей шкуре
Чувствовать, как человек!

Лучше б мне остаться дома,
Средь моих друзей по школе,
Ах, они людей не могут
Зачаровывать, как ведьмы!

Лучше б мне остаться дома
С Карлом Майером сладчайшим,
С этим швабским желтоцветом,
При супах благочестивых!

Где ты, мой родимый Штуккерт?
Как твои увидеть трубы,
Сизый дым от них и печи,
Где хозяйки варят клецки?"

Я глубоко был растроган
Этой речью; спрыгнув с ложа,
Подбежал, и сел к камину,
И промолвил с состраданьем:

"О певец, о благородный,
Как попал ты в лапы ведьмы?
Ах, за что - какая гнусность! --
Превращен ты ведьмой в мопса?"

И в восторге тот воскликнул:
"Как, вы, значит, не француз!
Значит, немец вы и был вам
Весь мой монолог понятен!

Ах, земляк, какое горе,
Что всегда советник Келле
Если мы с ним заходили
В погребок распить по кружке

Уверял меня за трубкой:
Всем своим образованием
Он обязан лишь поездкам,
Пребыванию за границей.

Чтобы с ног своих коросту
Ободрать пробежкой легкой,
Чтобы светскую шлифовку
Получить, как этот Келле,

Я с отчизной распростился,
Стал бродить по всей Европе
И, попав на Пиренеи,
Прибыл в хижину Ураки.

К ней мне дал Юстинус Кернер
Личное письмо: к несчастью,
Я не знал тогда, что друг мой
Водит с ведьмами знакомство.

И Уракой был я принят
Дружелюбно, но, к несчастью,
Дружба ведьмы все росла,
Превращаясь в пламя страсти.

Да, в груди увядшей вспыхнул
Нечестивый гнусный пламень,
И порочная блудница
Соблазнить меня решила.

Я взмолился: "Ах, простите!
Ах, мадам, я не фривольный
Гетеанец, я невинный
Представитель швабской школы.

Нравственность - вот наша муза!
Спит в кальсонах из крепчайшей
Толстой кожи, - ах, не троньте
Добродетели моей!

Есть поэты чувства, мысли,
Есть мечтатели, фантасты,
Но лишь мы, поэты-швабы,
Добродетель воспеваем,

В ней одной богатство наше!
Ох, оставьте мне, прошу вас,
Нравственно-религиозный
Плащ убогой нищеты".

Так молил я, но с улыбкой,
С иронической улыбкой,
Ведьма веткою омелы
Головы моей коснулась.

И на теле ощутил я
Станный и противный холод,
Будто весь гусиной кожей
Начал быстро покрываться.

На поверку оказалось --
То была собачья шкура.
С той минуты злополучной
Я, как видите, стал мопсом".

Бедный парень! От рыданий
У него пресекался голос.
Он рыдал неудержимо,
Чуть не изошел слезами.

"Слушайте, - сказал я грустно.--
Может, я могу помочь вам
Шкуру сбросить и вернуть вас
Человечеству и музам?"

Но с отчаяньем во взоре
Безутешно поднял лапы
Бедный мопс и с горьким вздохом,
С горьким стоном мне ответил:

"Вплоть до Страшного суда мне
Пребывать в собачьей шкуре,
Если я спасен не буду
Некой девственницей чистой.

Лишь не зная мужчин
Целомудренная дева
Может снять с меня заклятье,
Правда, при одном условии:

В ночь под Новый год должна
Эта дева в одиночку
Прочитать стихи Густава
Пфизера и не заснуть.

Не заснет она над чтеньем,
Не сомкнет очей невинных --
Вмиг я в люди расколдуюсь
И размопситься смогу".

"Ах, тогда, мой друг, - сказал я, --
Вам помочь я не способен.
Я, во-первых, не могу быть
К лику девственниц причислен.

Но еще трудней второе:
Мне совсем уж невозможно
Прочитать стихи Густава
Пфицера - и не заснуть".

ГЛАВА XXIII

Ведьмы логово покинув,
Мы спускаемся в долину;
Снова почву под ногами
Обретаем в позитивном.

Прочь, безумье, бред горячки,
Грезы, призраки, виденья!
Мы серьезно и разумно
Вновь займемся Атта Троллем.

Меж детей в своей берлоге
Наш старик лежит и спит,
И, как праведник, храпит он;
Вот проснулся - и зевает.

Рядом с Троллем - Одноухий.
Как поэт, что ищет рифму,
Лапой голову скребет он,
И скандирует он лапой.

Тут же, рядом с папой, дочки
На спине лежат, мечтая;
Непорочны и невинны
Сны четвероногих лилий.

Что за томные виденья,
Как цветы, трепещут нежно
В душах девственниц медвежьих?
Их глаза блестят слезами.

И особенно меньшая
Вся полна волненьем тайным,
Ибо тайно чувствует в сердце
Зуд блаженный Купидона.

Ах, стрела малютки-бога
Сразу шкуру ей пронзила,
С первой встречи. Но - Всевышний!
Тот, кто мил ей, - человек!

Да, зовут его Шнапганский,
Он, в великом отступленьи
По горам спасаясь бегством,
На рассвете ей явился.

Девам люб герой в несчастье,
А в глазах сего героя
Тихой грустью, мрачной скорбью
Клокотал карманный кризис.

Всей казной его походной --
Двадцатью двумя грошами,
Что в Испанию привез он,
Завладел дон Эспартеро.

Даже и часы погибли:
Он оставил их в ломбарде
В Пампелуне - распрощался
С драгоценностью фамильной.

И бежал он что есть мочи --
Но, и сам того не зная,
В бегстве выиграл он нечто
Лучше всякой битвы - сердце!

Да, смертельный враг, он мил ей!
Мил медведице несчастной.
Знай отец про тайну дочки --
Как ревел бы он свирепо!

Словно старый Одоардо,
Что Эмилию Галотти
В мрачной гордости мещанской
Заколел, и Атта Троль бы

Растерзал скорее дочку,
Лапой собственной убил бы,
Чем позволить недостойной
Кинуться в объятья принца.

Да, но в данную минуту
Он лирически настроен,
Он сломать не жаждет розу,
Не потрепанную бурей.

В тихой грусти возлежит он
Меж детьми в своей берлоге,
Как предчувствием томимый
Думой о загробном мире.

"Дети! - так вздыхает Атта,
И в глазах медведя слезы,--
Дети! Кончен путь мой дольний,
Близок час разлуки нашей.

Нынче в полдень задремал я,
И во сне, как бы предвестьем,
Дух мой был охвачен сладким
Предвкушеньем скорой смерти.

Право, я не суеверен,
Но меж небом и землею
Вещи есть, в каких не может
Разобраться и мыслитель.

В размышлениях о мире
Раззевался и заснул я,
И приснилось мне: лежу я
Под высоким странным древом.

С веток древа капал белый
Чистый мед и попадал мне
Прямо в рот, и, насыщаясь,
Я парил в блаженстве сладком.

Я глядел, блаженно жмурясь,
Вверх и вдруг узрел на древе
Семь малюток-медвежаток,
Быстро ползавших по веткам.

Семь пленительных созданий
С розовато-рыжим мехом,--
За плечами он вился,
Точно крылышки из шелка.

Да, у розовых малюток
Были шелковые крылья,
И малютки нежно пели
Неземными голосами.

Эта песня леденила
Кожу мне, но вдруг сквозь кожу
Вырвалась душа, как пламень,--
Вознеслась, сияя, в небо".

Так промолвил умиленно
Атта Троль, потом минуту
Помолчал он, пригорюнясь,
Но внезапно оба уха,

Странно дрогнув, наострились...
И вскочил он бурно с ложа
И, ликуя, громко рявкнул:
"Дети, чей я слышу голос?"

То не голос ли прелестный
Нашей мамы? О, я знаю
Нежное ворчанье Муммы!
Мумма! Сладостная Мумма!"

И помчался из берлоги
Атта Тролль, как полоумный,
Полетел судьбе навстречу,
Устремился прямо в смерть.

ГЛАВА XXIV

Там, в ущелье Ронсевальском,
И на том же самом месте,
Где племянник славный Карла
В битве отдал душу богу,--

Пал и Тролль, сражен коварством,
Как Роланд, кого преступно
Предал рыцарский Иуда,
Подлый Ганелон из Майнца.

Ах! Супружеское чувство,
Лучшее, что есть в медведе,
По совету хитрой ведьмы,
Послужило здесь приманкой.

И, ворчанью черной Муммы
Бесподобно подражая,
Ведьма выманила Тролля
Из берлоги безопасной.

На крылах любви летел он
По скалам, порой, замедлясь,
Вожаденно нюхал воздух --
Думал, где-то близко Мумма!

Ах! Там спрятался Ласкаро,
Он стоял с ружьем - и пулей
Грянул в радостное сердце,--
Хлынул ток багряной крови,

Помотал медведь сраженный
Головой и сразу рухнул
С тяжким судорожным стоном.
"Мумма!" - был последний вздох.

Так скончался наш герой,
Так погиб. Но для бессмертья
Он воскреснет ныне в песне
Восхищенного поэта.

Он воскреснет, величавый,
В нимбе славы непомерной
И пойдет шагать хореем
По стихам четырехстопным.

И потом ему поставят
Гордый памятник в Валгалле,
И на памятнике будет
Надпись в лапидарном стиле:

"Тролль. Медведь тенденциозный,
Пылок, нравственен и смирен,--
Развращенный духом века,
Был пещерным санкюлотом.

Плохо танцевал, но доблесть
Гордо нес в груди косматой.
Иногда зело вонял он,--
Не талант, зато характер".

ГЛАВА XXV

Тридцать три седых старухи
В ярко-красных капюшонах,
В праздничном уборе басков,
У околицы стояли.

И одна, как встарь Дебора,
Била в бубен и плясала,
Славя песнею и пляской
Победителя Ласкаро.

Четверо мужчин с триумфом
Мертвого несли медведя:
Он сидел в широком кресле,
Как ревматик на курорте.

За покойным, как родные,
Шли Урака и Ласкаро.
Ведьма, явно чуть конфузясь,
Отвечала на поклоны.

А когда кортеж достигнул
Ратуши, с надгробной речью
Выступил помощник мэра
И сказал об очень многом:

Например, о росте флота,
О проблеме свекловицы,
О печати и о гидре
Нетерпимости партийной.

Описав весьма подробно
Ряд заслуг Луи-Фклиппа,
Обратился он к медведю
И к бесстрашному Ласкаро.

"Ты, Ласкаро,--так воскликнул
Наш оратор, отирая
Пот со лба трехцветным шарфом,
Ты, Ласкаро, ты, Ласкаро,

Ты, сразивший Атта Тролля,
Бич испанцев и французов,
Ты - герой обеих наций,
Пиренейский Лафайет!"

Получив официально
Аттестацию героя,
В тихой радости Ласкаро
Покраснел и улыбнулся.

И потом весьма бессвязно,
Как-то странно заикаясь,
Пробурчал он благодарность
За оказанную честь.

С тайным страхом все глядели
На неслыханное диво,
И в смятенье бормотали
Измученные старухи:

"Как, Ласкаро улыбнулся!
Как, Ласкаро покраснел!
Как, заговорил Ласкаро,
Этот мертвый сын колдуньи!"

А медведя ободрали,
С молотка пустили шкуру;
За нее скорняк какой-то
Отсчитал пять сотен франков,

Превосходно обработал,
Красным бархатом подбил
И немедленно кому-то
Продал за двойную цену.

И затем, Джульеттой куплен
Из четвертых рук в Париже,
Пред ее постелью в спальне
Лег медвежий мех ковром.

Часто голыми ногами
Я в ночи стоял на брэнной
Оболочке Атта Тролля,
На его земной одежде.

И, глубокой грусти полный,
Строки Шиллера читал я:
"Чтобы стать бессмертным в песне,
Надо в жизни умереть".

ГЛАВА XXVI

Ну, а Мумма? Ах, ведь Мумма --
Женщина. И вероломство
Имя ей. Ах, женский пол,
Как фарфор китайский, ломок!

Разлученная судьбою
С благородным, славным мужем,
Не погибла от печали,
Не сошла с ума от горя,

Нет, напротив, продолжала
Жить в веселье, в вечных танцах
И в погоне за успехом
Перед публикой ломаться.

Наконец в Париже Мумма
Обрела в Jardin des plantes
Положение, и место,
И пожизненную ренту.

И когда в воскресный полдень
Я пошел туда с Джульеттой
Показать ей все причуды
Чуждой фауны и флоры:

Дромадера и жирафа,
Баобаб и кедр ливанский,
Золотых фазанов, зебру;
И когда, болтая нежно,

Мы остановились с нею
Пред обширным рвом - сезонной
Резиденцией медведей, --
Боже, что мы увидали!

Исполин медведь, отшельник
Из Сибири, белоснежный,
Там с медведицею черной
Предавался пылким играм.

То была - о, небо! - Мумма,
Да, супруга Атта Тролля.
Я узнал ее по блеску
Влажных и влюбленных глаз.

Ах, она, красotka Мумма,
Юга черное создание,
Вдруг сошлась с каким-то скифом,
С варваром пустынь полярных.

Близ меня стоявший негр
Мне сказал, сверкнув зубами:
"Есть ли зрелище прекрасней,
Чем утехи двух влюбленных?"

Я ответил: "С кем, простите,
Честь имею говорить?"
Он воскликнул удивленно:
"Как? Меня вы не узнали?"

Я ведь мавр, у Фрейлиграта
В барабанщики попавший.
В те года жилось мне плохо,
Был я одинок средь немцев.

Но теперь я сторож в парке,
Предо мною все растенья
Тропиков моих любезных,
Предо мною львы и тигры.

И гораздо здесь приятней,
Чем на ярмарках немецких,
Где за скверный харч гоняют
Ежедневно барабанить.

Мне тепло в ее объятьях,
Как в отечестве любезном.

Ножки дорогой супруги
Мне слонов напоминают,
А ее французский щебет --
Черный мой родной язык.

Брань ее напоминает,
Как трещал мой барабан,
Обрамленный черепами
И пугавший льва и кобру.

При луне плутовка плачет
Наподобье крокодила,
Что прохладой ночи дышит,
Глядя ввысь из волн прогретых.

И она отлично кормит.
Что ни даст, я пожираю,
Как на Нигере, с могучим
Африканским аппетитом.

Вот я и животик круглый
Нагулял. Из-под рубашки
Он глядит, как черный месяц
Из-за легкой белой тучки".

ГЛАВА XXVII

Августу Варнхагену фон Энзе

"Где, маэстро Лодовико,
Вы набрали эти сказки?" --
Так с улыбкою воскликнул
Старый кардинал фон Эсте,

О неистовствах Роланда
Прочитав у Ариосто,
Преподнесшего поэму
В дар его преосвященству.

Да, Варнхаген, старый друг,
На твоих устах играет
Та же тонкая улыбка
И слова почти что те же.

То смеешься ты, читая,
То, с улыбкой тихой грусти,
Весь овеян смутно прошлым,
Морщишь свой высокий лоб.

Не звенят ли в этой песне
Грезы майских полнолуний,
Что с Brentано и Шамиссо
Да с Фуке сдружили нас?

Или звон Лесной Капеллы,
Тихий звон, давно забытый?
Иль бубенчики дурацких
Колпаков отчизны милой?

В соловьиный хор угрозой
Бас врывается медвежий,
И его сменяет странный
Шепот призраков загробных.

То - безумье с умной миной,
Мудрость - в облике безумства,
Стон предсмертный - и внезапно
Все покрывший громкий хохот.

Да, мой друг, ты слышал эхо
Отзвеневших грез былого;
В них врываются, кривляясь,
Современные мотивы.

И сквозь дерзость чуть заметно
Вдруг проскальзывает робость.
Я на суд твой благосклонный
Отдаю свою поэму.

Ах, она - последний отзвук
Вольных песен романтизма:
В шуме битвы современной
Отзвенит она печально.

Век другой, другие птицы,
А у птиц другие песни.
Вот гогочут - словно гуси,
Что спасали Капитолий!

Воробей с грошовой свечкой
В коготках пищит, дерется --
Гордо мнит, что у Зевеса
Он орел-молниедержец.

Горлицы, любовью сыты,
Жаждут крови и воркуют,
Чтоб впрягли их в колесницу
Не Венеры, а Беллоны.

Вестники весны народов,
Майские жуки-гиганты,
Так жужжат, что мир трясется,
Вот берсеркерская ярость!

Век другой, другие птицы,
А у птиц другие песни!
Я б их, может быть, любил,
Если б мне другие уши!

АТТА ТРОЛЬ
Из вариантов и дополнений

ГЛАВА II

Вместо строк 12-й, 13-й, 14-й:

Здесь, читатель, мы покинем
Медвежатника-злодея
И наказанную Мумму
И пойдём за Атта Троллем.

Проследим, как благородный
Refugie домой спасался,
И медвежьему хозяйству
Посвятим подробный очерк.

После выйдем на охоту,
Будем лазать, прыгать, ползать,
Грезить в обществе Ласкаро,
Что прикончил Атта Тролля.

Летней ночи сон! Бесцельна
*Эта песнь и фантастична,--

Как любовь, как жизнь, бесцельна!
Не ищите в ней тенденций...

Атта Троль не представитель
Толстошкурой, всегерманской
Почвенной, народной силы.
Соткан не из аллегорий --

Не немецкий он медведь,
Мой герой. Медведь немецкий,
Как медведь, плясать согласен,
Но не хочет скинуть цепи.

Имеется еще следующий вариант:

Летней ночи сон! Бесцельна
Эта песнь и фантастична,--
Как любовь, как жизнь, бесцельна,
Нуждам нынешним не служит.

В ней высоких интересов
Родины я не касался.
И за них мы будем драться,
Но не здесь, а в доброй прозе.

Да, мы в доброй прозе будем
Разбивать оковы рабства;
А в стихах, а в песне вольной
Уж цветет у нас свобода.

Тут поэзии владенья,
Тут не место ярым битвам,--
Так поднимем тирс волшебный.
Розами увьем чело!

ГЛАВА VI

Вероятно, сюда относится строфа, которую,
Штродтманн опубликовал как вариант "Атта Тролля

Ведь в большом хлеву господнем,
Называемом землею,
Всякой твари есть кормушка,
А в кормушке - добрый корм!

ГЛАВА X

Вместо второй половины 17-й строфы и строфы 184

И, в Германию уйдя,
Стал - медведь тенденциозный.

Там он, к ужасу людей,
А в особенности муз,
Воет и ревет, беснуясь,
И грозит нас всех сожрать.

ГЛАВА XIII

Сюда, вероятно, относятся следующие стихи, опубликованные Штродтманном как варианты к "Атта Троллю":

Ночь, горящая звездами,
На горах лежит, как плащ:
Черный горноста́й, расшитый
Хвостиками золотыми.

Ясно: был скорняк безумен,
Сделав черным горноста́й
И украсив золотыми,
А не черными хвостами!

Вешайся, мой Фрейлиграт!
Ведь не ты придумал образ:
Черный горноста́й, расшитый
Хвостиками золотыми.

ГЛАВА XXII

Так у очага мечтая,
Я сидел в лачуге ведьмы.
Тут же с котелком возился
Добродетельнейшй мопс.

Движим голодом, а может,
Любопытством, взял я ложку
У него из лап и в жиже
Выловил кусочек мяса.

То большое сердце было --
Вкусно, сварено на славу;
Но его лишь надкусил я,
Как раздался некий голос:

"Ах, обжора ты немецкий!
Пожираешь сердце вора,
Что повешен был в Толозе,--
Вот прожорливая дрянь!"

Тут одно из птичьих чучел
Мне сказало, - то был коршун,
И другие повторили:
"Ах, обжора ты немецкий!"

Видно, съевший сердце вора
Начинает понимать
Птичий свист и щебетанье;
Оказалась правдой сказка.

С той поры я в совершенстве
Понимаю речь пернатых,
Понимаю даже мертвых --
Старых чучел диалекты.

Вдруг в окошко постучали,
Я открыл его поспешно;
В хижину влетели с шумом
Девять воронов огромных.

Подскочив к огню, согрели
Когти и, встопорщив перья,
Стали каркать, изрыгая
Всевозможные проклятья.

Тут особенно досталось
Мендицабелю, еврею,
Что прикрыл монастыри --
Их насиженные гнезда.

Спрашивали: "Где дорога
В град Monacho Monachorum?"
"Влево за угол, - сказал я. --
Патер Йозефу привет мой".

Стая черных эмигрантов
У огня недолго грелась
И, покаркав, улетела
Сквозь открытое окошко.

Птичий сброд любого сорта
Стал влетать и уноситься.
Дом похож был на харчевню
Для пернатых проходимцев.

Журавли, порою лебедь,
Даже совы - эти выли,
Злясь на скверную погоду,
Яркий день и атеизм.

В обществе дородных нянек --
Двух гусынь, ему усердно
Помогавших при полете,--
Прибыл хмурый пеликан.

Раненую грудь погрел он,
С негодующим презреньем
Поглядел на клан совиный
И опять в окно умчался.

А потом к огню, воркуя,
Пара голубков подсела,
Посмеялись, освежились
И умчались в путь-дорогу.

Наконец удод явился,
Длинноног, короткокрыл;
Глянув, крикнул мне со смехом
"Друг! Не узнаешь Хут-Хута?"

Я невольно засмеялся:
Это впрямь мой друг Хут-Хут/
Тридцать пять веков назад он
Числился курьером царским

И с депешей неотложной
Срочно Соломоном Мудрым
Послан был к царице Савской,
К знаменитой Балкайзе.

Царь в красавицу влюбился,
По хвалебным описаньям;
Ей же грезился лишь Мудрый,
Чью весь мир прославил мудрость.

И загадки предлагали
Царь с царицею друг другу,
И бежал, нося записки,
Мой Хут-Хут песком-пустыней.

И, устав от всех загадок,
Прибыла в Ерушалаим
И в объятья Соломона
Кинулась она, краснея.

Царь сказал, обняв царицу:
"Величайшая загадка,
Милое дитя, - любовь,
Но над ней не стоит думать".

Да, Хут-Хут, удод мой старый,
Прежним другом мне явился
В колдовском воздушном царстве,
В дымной хижине Ураки.

Стар удод! Но он такой же,
Как когда-то. Очень важен:
Как тупей, он на макушке
Носит гребешок из перьев.

Он скрестил свои ходули,
По привычке разболтался
И дворцовых происшествий
Выложил мне целый короб.

Рассказал на новый лад
То, что мне поэт арабский
Рассказал: как ангел смерти
Побежден был Соломоном.

Царь остался жить, - бессмертный,
Обитает в Джиннистане;
Там он демонами принят
Как монарх самодержавный.

"И царица Балкаиза,--
Говорил Хут-Хут, - жива.
Дар возлюбленного, дивный
Талисман, ей дал бессмертье.

Проживая в лунных землях,
В горном царстве эфиопов,
С Соломоном и доныне
Сохранила связь царица.

Оба, правда, постарели
И остыли, но друг другу
Как и прежде, часто пишут
И, как прежде, шлют загадки.

И по-детски Балкаиза
Радуется, если Мудрый,
Понапрасну потрудившись,
Не решит ее загадку.

И лукаво утверждает,
Что с годами поглупел он,
И, дразня, зовет его
То Ночной Колпак, то Шеллинг.

Царь ей год назад в отместку
Твердый преподнес орешек,--
Он своей подруге верной
Переслал со мной загадку:

"Кто подлец наипервейший
Средь германских подлецов,
Среди всех, кто населяет
Тридцать шесть держав германских?"

Сто имен ему с тех пор
Уж царица отослала;
Царь в ответ упорно пишет:
"Нет, голубка, он не первый".

И царица чуть не плачет:
Хоть ее посланцы рыщут
Вдоль по всей земле германской,
Все ж ответ еще за нею.

Но едва она кого-то
Первым подлецом объявит,
Соломон ей пишет снова:
"Нет, голубка, он не первый".

"Милый друг, - ему я молвил,
Долго будет Балкаиза
Биться тщетно, присуждая
Немцу лавры подлеца.

Ведь в моей отчизне подлость
Прогрессирует гигантски;
На венец из грязных лавров
Слишком много претендентов.

Так вчера еще ***
Первым подлецом считался,
Нынче по сравненью с***
Стал он унтер-подлецом.

Завтра ж назовут газеты
Архиподлеца, который
Даже нашего***
Переподличать сумеет".

ГЛАВА XXIII

Вместо строфы 4-й:

Только младший, Корноухий,
Бодрствует, отцу внимая.
Тот опять мизантропично
Философствует о людях:

"Да, мой сын, всего противней
Эта кастовая спесь.
Это чванство подлых тварей,
Пишущих анналы мира.

Мы для них пустое место,
Разве мельком упомянут
Имя лошади, носившей
На спине их короля.

Если ж человек снисходит
Родственных воспеть животных,
Он и в этом начинанье
Проявляет эгоизм.

В песнях он, как в жизни, наши
Узурпирует права.
Из любой ничтожной строчки
Прет тупая субъективность.

И, героем взяв медведя,
Он на деле воспевает
Лишь себя - свои безумства
И болезненные бредни".

ГЛАВА XXIV

Вместо строф 10-й, 11-й и 12-й:

И прославят имя Тролля
Правнуки.
Когда же время
Уничтожит предрассудки,
Будет принят он в Валгаллу.

В первоначальном варианте рукописи после этого следуют еще три строфы:

Будет бюст его меж Листом
И великой Фанни Эльслер;
Воспоет его как друга
Надпись в неуклюжем стиле:

"Атта Тролля, медведь великий,
Родился на Пиренеях,
Взяв одновременно как
Жар испанцев, так французов --

Трезвость мысли; скрежетавший,
Перед чернию плясавший,
Иногда и вонь пускавший,--
Не талант - зато характер".

Имеется и следующий вариант:

Когда-нибудь король Баварский поставит ему в Пантеоне Валгаллы статую в неуклюжем витте
управитель. Уважаемый супруг, глубокий ум, религиозная душа, ненавистник фривольности".

ГЛАВА XXVII

Вместо трех последних строф:

Скачут по стенам германским,
Хлопая культями крыльев:
Ножки плоски, глотки сиплы,
Много крику, мало пуха!

Тут же белые вороны
Каркают с утра до ночи:
"Галлы, галлы показались!"
Сообща спасают Рим.

Да, у птиц иные песни!
Я вчера прочел в газетах,
Что у Тика был удар
И что Тик - советник тайный.